

Л.Г. Панов*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОГИКА¹

Аннотация. Целью статьи является развитие теоретических и методологических инструментов институционального исследования политики. Рассмотрены два дополняющих друг друга институциональных подхода: теория организационных полей, которая позволяет сформировать объект институционального исследования, а именно область, в которой возникает институциональный порядок, а также теория институциональной логики, которая позволяет проанализировать содержание институциональных порядков и проследить взаимосвязь между материальными и символическими элементами институтов. Автор анализирует ключевые проблемы и потенциальные решения в связи с применением подходов и предлагает принципы для их применения к исследованию области политических взаимодействий.

Ключевые слова: организационное поле; институциональная логика; институциональный порядок; поле политики.

L.G. Panov

The political field and institutional logics

Abstract. The purpose of the article is to develop theoretical and methodological tools for institutional research of political sphere. Two complementary institutional approaches are considered: the theory of organizational fields that allows to form the

* **Панов Любомир Геннадьевич**, ассоциированный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: panovlyubomir@gmail.com; **Panov Lubomir**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: panovlyubomir@gmail.com

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ 17-03-00446 а).

object of institutional research, namely, the area in which the institutional order arises, as well as the theory of institutional logic that allows to analyze the content of institutional order and to trace the interrelation between the material and symbolic elements of institutions. The author analyzes key problems and potential solutions in connection with the application of approaches and suggests principles for their application to the study of the field of political interactions.

Keywords: organizational field; institutional logic; institutional order; political field.

Институциональное поле

Концепт поля получил в социологии широкое распространение благодаря дисциплине «организационный институционализм», в русле которой сложился подход для эмпирических институциональных исследований. Впервые в рамках направления концепт поля сформулировали П. Димаджио и У. Пауэлл, определив организационное поле как «те организации, которые в совокупности составляют распознаваемую область социальной жизни: это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги» [Димаджио, Пауэлл, 2014].

В организационном институционализме идея поля появилась после того, как исследователи заметили, что организации в своем поведении ориентируются на внешнюю среду и что множество организаций ведут себя сходным образом – копируют практики и организационные формы друг друга. Наблюдая действия организаций, исследователи выяснили, что акторы, от которых ожидают рационального поведения, в некоторых случаях ведут себя противоположным образом, и это происходит не с отдельной, а со многими организациями, функционирующими в одной и той же отрасли. Л. Цукер и П. Толберт обнаружили, что реформа государственной службы была заимствована и внедрена даже теми городскими администрациями, на эффективности которых она не сказывалась [Tolbert, Zucker, 1983]. Другими словами, организации под влиянием окружения могут производить изменения или придерживаться какой-то модели поведения даже тогда, когда это противоречит соображениям увеличения эффективности. Область функционирования организаций подвержена влиянию институциональных механизмов (не только принудительного характера, вроде требований закона, соблюдение которых обеспечивается угрозой наказа-

ния), но и давлению среды, а также культурно-когнитивным механизмам: укорененным представлениям и ценностям [Scott, 1995, p. 35].

Концепт поля в ранней формулировке предполагает, что побуждающая сила ориентироваться на поведение друг друга возникает между регулярно взаимодействующими организациями схожего профиля, т.е. функционирующими в рамках одной отрасли, и со временем в результате этих взаимодействий возникают общеразделяемые правила и нормы, соблюдение которых обеспечивается ранее упомянутыми механизмами. Так, поля возникают как «локальные социальные порядки» [Флигстин, 2001] – регламентированные сферы взаимодействий (по определенному поводу), которые имеют как содержание (определенные правила, практики, нормы и распространенные представления), так и действующие механизмы, которые обеспечивают соблюдение установленного порядка. Как утверждает Р. Скотт, организационное поле – это «сообщество организаций, которые разделяют общую систему представлений и чаще взаимодействуют друг с другом, чем с акторами за пределами поля» [Scott, 1995, p. 56].

Метафора поля очень точно передает смысл, который вкладывают авторы: по аналогии с электромагнитным или гравитационным полями [Martin, 2003], институциональное оказывает воздействие и упорядочивает поведение как регулярно взаимодействующих акторов, так и тех, кто попадает в границы поля.

Зачастую исследователи используют несколько оснований для выделения поля и его границ: продукты [Voronov, Clercq, Hinings, 2013], услуги [Reay, Hinings, 2005], технологии [Munir, Phillips, 2006], проблемы [Hoffman, 1999] и идентичности [Armstrong, 2002]. Как отмечает Р. Скотт, определение полей, с одной стороны, является творческой задачей исследователя, с другой стороны, существование поля должно быть эмпирически подтверждено [Scott, 2008, p. 223].

Концепция поля часто используется для исследования экономических ниш, в этом случае взаимодействия происходят вокруг определенного продукта или услуги, и с большой долей вероятности можно предположить, что если социальный порядок сложился, то он распространился на всех тех, кто занят в этой сфере и чьи действия могут повлиять на положение других игроков в поле: регулирующие структуры, поставщики сырья, производители, дист-

рибьюторы, ритейлеры, потребители. Вместе с тем концепт поля можно использовать шире, очерчивая релевантную для организации среду с учетом той сферы или способа действия, который является объектом исследовательского интереса. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем обсуждать поле политики.

Концепция институциональной логики: Проблемы и перспективы подхода

У. Пауэлл справедливо замечает, что разделение между конкурентными «экономическими» (акторы действуют рационально и стратегически) и институциональными «социальными» (акторы действуют по установленной опривыченной схеме и строго следуют установленным нормам порой в ущерб эффективности) сферами условно [Powell, 2012, p. 183]. В действительности, как в «социальных сферах» взаимодействия акторов не сводятся только к воспроизводству шаблонов, так и в конкурентных полях действуют регуляторные, нормативные и когнитивные установления, которые ограничивают потенциально бесконечные варианты поведения.

Концепция институциональной логики была разработана для того, чтобы продемонстрировать, как когнитивные установления закладываются в основу материальных практик и обуславливают различия между социальными порядками, которые могут существовать в одной и той же сфере деятельности в разное время.

Исследования в русле «полевого» подхода показали, что с течением времени социальный порядок в рамках одной и той же области взаимодействий может меняться, и изменениям подвергаются не отдельные нормы, а сами принципы и категории, на которых основано понимание акторами «мира» и, как следствие, их действия (практики). Концепция логики призвана обратить внимание на семиотические конструкции, которые организуют и придают устойчивость социальной жизни.

Внешней отличительной чертой подхода является то, что он стал самым распространенным, а словосочетание «институциональная логика» – самым используемым, по сравнению с альтернативными концептуализациями символического в институционализме [Шмерлина, 2016]. Фактически концепт логики стали

использовать для обозначения всего символического в институтах, и вообще всего имеющего отношение к содержанию институтов.

Институциональную логику определяют как «систему культурных элементов, которая позволяет индивидам формировать смыслы и оценивать свою повседневную деятельность, а также организовывать ее во времени и пространстве» [Naveman, Gualtieri, 2017]. Основатели подхода Р. Фридланд и Р. Алфорд предлагают рассматривать современное западное общество, как основанное на пяти ключевых институтах, каждому из которых соответствует особый тип логики: институт капитализма, бюрократического государства, демократии, семьи и религии. Логика капиталистического рынка заключается в том, чтобы придать всем объектам и ментальным отношениям свойства товара, сделать их предметом товарно-денежного обмена. Логика государства сводится к тому, чтобы устанавливать правила и иерархии и в идеале подчинить все действия индивидов строгим схемам. Логика демократии – в участии и народном контроле. Логика семьи в том, чтобы поведение индивидов было подчинено безусловным обязательствам по отношению к членам семьи. Логика христианства заключается в том, что деятельность индивида организована вокруг признания существования Бога и необходимости следовать нравственным религиозным предписаниям.

Авторы демонстрируют как различные типы логики, или формы рациональности, структурируют отношения в разных областях социальной жизни. Например, сфера медицинских услуг может быть организована в соответствии с принципами капитализма, когда все больницы являются частными компаниями, а цены формируются по рыночному принципу, или напротив, медицина может быть организована по принципу признания неотъемлемого права каждого на получение медицинской помощи, и тогда общество и государство будут обеспечивать доступность медицинских услуг и медикаментов для каждого.

Последователи подхода повсеместно используют вышеизложенный шаблон, прикладывая различные типы логики к определенным областям социальной жизни в исторической перспективе и обнаруживая, как различные логики, становясь доминантными, перекраивают все институциональное устройство: порядок правил, практик и организационных форм.

Распространенность подхода сделала его легитимным способом осмысления семиотических систем, которые вступают в каузальные отношения с материальным аспектом институтов. Вместе с тем подход имеет ряд слабых (проблемных) мест, что является следствием его недостаточной теоретической проработанности, несмотря на широкое применение [Haveman, Gualtieri, 2017]. Эти слабые места позволят нам рассмотреть основные методологические подходы к исследованию институциональной логики.

Взаимоотношения между материальными и семиотическими аспектами института. Как заметили Х. Хэйвман и Г. Гуалтьери, концепт институциональной логики изначально включал и материальное, и семиотическое. Исследователи призывают к тому, чтобы разделить материальное и семиотическое содержание институтов, и отвести концепт логики исключительно для последнего.

Множество исследований фокусируется на рассмотрении материального содержания порядков: организационных форм, практик, распределения полномочий внутри организации. Сравнивая различия таких материальных аспектов и институциональных порядков одной и той же области деятельности в разное время, исследователи выводят общий принцип, который объединяет один набор материальных элементов и противопоставляет его другому. Так, ранее упомянутые П. Торнтон и У. Окасио замечают различия в формах собственности издательств, распределении полномочий, практиках продвижения товара и отношениях между автором и издательством – исходя из этих различий, они делают вывод о том, что практики порождаются двумя разными типами логики: логики профессиональной этики редакторов и логики капитализма. Уязвимое место такого подхода заключается в том, что в строгом смысле материальные элементы содержания институциональных порядков не содержат в себе смысла, смысл им придают акторы, которые изобретают и воспроизводят, например, практики. В том случае, если исследователи делают выводы о действующих в поле логиках, не изучив представлений акторов, то они основывают свои интерпретации материальных практик и обобщения либо на собственных знаниях о мире, либо по аналогии с предыдущими исследованиями, например, работой Р. Фридланда и Р. Алфорда. Наглядным примером изменения представлений, которое повлекло изменения материальных элементов институтов, может быть развитие поля автомобилестроения. Прежде автомобили воспринима-

лись как средство передвижения и предмет роскоши, но никакие экологические соображения, даже если они и высказывались, не оказывали серьезного влияния на практики поля. Вместе с тем не так давно Великобритания и Франция объявили о том, что к 2040 г. планируется запретить выпуск автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

Напротив, Макс Вебер, исследования которого приводятся в качестве методологического истока логического подхода, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» центральное внимание уделяет изучению содержания представлений о мире, заложенных в протестантской традиции, которые могли привести к формированию практик усердного труда и бережливости [Вебер, 1990].

Другой аспект критики логического подхода в отношении материальных элементов институтов заключается в том, что исследователи зачастую выборочно подходят к описанию материальных элементов институционального порядка, описывая те из них, которые наиболее ярко отражают различия порядков в соответствии с теми типами логики, которые вначале заявляют авторы. При этом более системное описание практик может позволить выявить внутренние противоречия в рамках одного поля и вскрыть стоящие за этим представления.

Например, Джон Мохр и Винсент Дюкен предприняли исследование деятельности благотворительных организаций в Нью-Йорке с 1888 по 1917 г. [Mohr, Duquenne, 1997]. Проанализировав ежегодные отчеты благотворительных организаций, авторы установили, что практики помощи благотворительных организаций нуждающимся различаются в зависимости от того, к какой категории нуждающихся проситель будет отнесен. Приведем пример в качестве иллюстрации. Когда к благотворителям обращался семейный работающий человек, который вследствие малого заработка не может содержать семью, его относили к категории «достойных» и могли предложить как продукты, так и деньги в качестве помощи. При этом были категории просителей, которым никогда не предоставляли ни еды, ни денег. Как выяснили исследователи, в эту категорию попадали женщины, которые не исполняли своих традиционных ролей жены и матери и, как правило, занимались проституцией. Авторы предполагают, что основным соображением благотворителей была помощь этим женщинам в от-

казе от занятия проституцией, по этой причине им предоставляли убежище и помогали в поиске работы, но не давали еды и денег.

Таким образом, более детальный подход может помочь не только «схватить» принципиальные различия наборов материальных элементов института, но и выявить, какие в рамках одного и того же порядка существуют противоречия, и затем определить, какие вариации и противоречия в институционализированной системе представлений приводят к противоречиям в практиках.

Преобладание дедуктивного подхода и реконструкция логики. В большинстве случаев поиск и извлечение институциональной логики в рассматриваемом поле взаимодействий, будь то издательское дело, медицина, финансовые услуги, любительский спорт или виноделие является «не отправной, а начальной точкой исследования» [Weber, Patel, Heinze, 2013, p. 353]. Исследователи в большинстве случаев рассматривают список «логик», сформированный еще Р. Фридландом и Р. Алфордом, а затем авторы ищут признаки одной из логик в институциональном устройстве рассматриваемых полей и их изменениях. Это приводит к тому, что вместо реального отражения систем представления / мышления акторов, которые определяют как внутренние противоречия поля, так и перспективы развития, авторы подбирают в институциональных порядках соответствия уже известным логикам.

Вышеизложенная исследовательская практика поддерживается еще тем, что внутри подхода, во-первых, продолжаются споры вокруг того, что считать логикой, а во-вторых, с помощью какого метода ее можно исследовать.

К. Вебер, Х. Пател и К. Хайнце для решения этой проблемы предложили начать рассматривать логику не как центральный принцип (который еще нужно вывести), а как организованную систему культурных элементов [ibid.]. Другими словами, в каждой области деятельности акторы руководствуются какими-то наборами представлений, логика появляется тогда, когда между отдельными представлениями возникают тесные связи, представления обретают внутреннюю структуру. Такие системы четко задают способ осмысления (видения) мира или отдельных его аспектов. Таким образом, область деятельности не обязательно предполагает наличие логики, вместо нее могут быть наборы разрозненных представлений, и институциональная система этого поля в таком случае тоже будет разрозненной.

Авторы предложили анализировать дискурс участников поля и выявлять в нем отдельные наиболее важные культурные элементы и устанавливать, какие взаимосвязи между ними складываются. Для обнаружения таких значимых представлений К. Вебер и соавторы предлагают проводить анализ на основании базовых категорий: «идентичности акторов, классы социальных практик и измерение ценностей» [Weber, Patel, Heinze, 2013, p. 353]. Авторы применили свой подход к исследованию поля животноводства. Исследователи проанализировали тексты, посвященные животноводству и сделали кодирование в соответствии с метакатегориями, затем с помощью компьютерных программ они вычислили, насколько часто понятия появляются в тексте и как они связаны между собой, в результате чего не только удалось выявить две системы представлений, но и выявить связи между понятиями. По мнению авторов, логика возникает тогда, когда между отдельными представлениями (культурными элементами) возникают строгие и устойчивые связи (рис.).

Набор культурных элементов

Логика

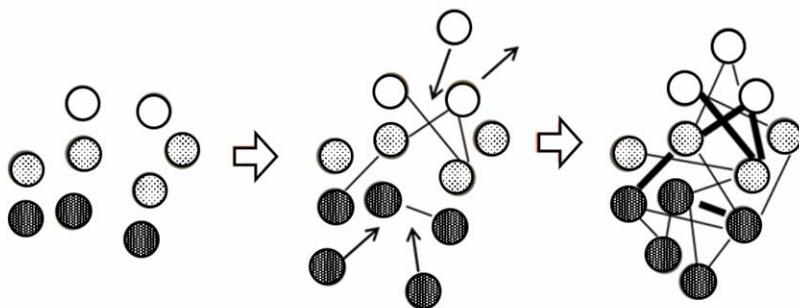


Рис.

Формирование институциональной логики

Большую ценность представляет и то, что мы можем выявлять, какой силой обладают системы представлений, насколько они структурированы и насколько влияют на организацию мира и практики по сравнению с альтернативными системами представлений – не секрет, что многие сферы вообще не отрефлексированы, и акторы не способны размышлять о них системно и последовательно, делать какие-либо обоснованные выводы.

Ценностные аспекты институциональной логики. В последующих работах авторы теории институциональной логики ставят

вопрос о значении ценностей и эмоций, заложенных в институциональной логике [Friedland, 2013]. Устоявшийся «логический» подход состоит в описании / реконструкции представлений и систем представлений. При этом из поля исследовательского внимания выпадает то, насколько индивиды привержены тем или иным логическим системам. Регистрация большой распространенности и устойчивости (продолжительности) систем представления и практик может потребовать понимания того, почему индивиды предпочитают одну логику всем другим. Даже выявление внутренней связности и проработанности логики может быть недостаточным. В связи с этим предлагается исследовать ценности и эмоции – сложившиеся предпочтения одних представлений другим, которые не удастся объяснить самими представлениями [Haveman, Gualtieri, 2017].

Оценка возможных последствий. М. Вебер, автор одной из первых и наиболее востребованных работ в русле «культурного», или семиотического, институционализма «Протестантская этика и дух капитализма», определял исследовательскую задачу как выявление взаимосвязи между религией и хозяйственной деятельностью. В начале книги автор приводит примеры того, как капитализм позволил умножить благосостояние тех стран, где был укоренен протестантизм. Нам представляется, что большую ценность имеют те исследования, которые могут не только установить представления и практики, распространенные в обществе, а также проследить взаимосвязь между ними, но и связать их с определенными материальными последствиями или результатами, к которым эта комбинация представлений и практик привела. Усиление одной из логик в поле приводит к преобразованию практик и отношений в соответствии с этой логикой, и в конечном итоге меняет результаты функционирования этого поля.

Перспективы логического подхода в исследовании поля политики

Концепции поля и институциональной логики в паре, на наш взгляд, могут быть полезны для исследования политики по нескольким причинам.

Во-первых, они дают свободу в определении основания и границ поля в соответствии с интересами конкретного исследования: мы можем рассматривать узкие поля, формируемые, например, институтом парламентаризма, либо закладывать в качестве основы поля отдельные классы практик (например, протесты), технологий, результатов деятельности и т.д.

Во-вторых, теории позволяют мыслить поведение вовлеченных акторов во взаимосвязи и взаимозависимости; так, на политическое поведение граждан, безусловно, оказывают влияние и практики НГО, и практики освещения политических событий СМИ, и практики политиков, которые, например, либо направлены на размежевание с конкурентами и привлечение общественной поддержки, либо на заключение договоренностей с победившей партией и расчет на то, что последние поделятся частью ресурсов, и т.д.

В-третьих, теории фокусируют наше внимание на поиске устойчивостей даже в высококонкурентных областях взаимодействий, где принято считать поведение акторов исключительно прагматичным и стратегическим. Когнитивные установления, такие как категории, представления, ценности, могут устанавливать ограничения не только на стратегические выборы, но и на цели, которые преследуют акторы поля.

И наконец, теории предлагают нам рассматривать не только отдельные практики и представления, но и прослеживать их согласованность, связи и противоречия, таким образом рассматривая системы практик и логики, иными словами, анализировать институциональные порядки в их целостности.

Рассматривая концепцию поля, мы остановились на конструировании поля как отдельной области взаимодействий и определении границ его охвата. Представим себе, что существует область деятельности, которая отличается от остальных тем, что в ее границах производится такой продукт, как общезначимые решения. Также представим, что могут быть разные центральные принципы организации взаимодействий в рамках такого поля: административный, в котором общественные проблемы разрешаются в соответствии с системой полномочий и иерархии должностных лиц, религиозный, основанный на власти религиозных авторитетов и воплощении норм, предписанных сакральными текстами, основанный на насилии и власти группы, с преобладающей военной мощью или какой-либо другой. Среди прочего порядок области

принятия общественно значимых решений может быть построен на политическом принципе. В том случае, если такое поле основано на логике политики, оно представляет собой публичное пространство диалога и конфликта по поводу значимых проблем в рамках наличного или альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества. Таким образом, воплощение логики политики предполагает, во-первых, реорганизацию области принятия общественно значимых решений, во-вторых, возникновение поля специфических политических взаимодействий, продукты которого будут выходить за рамки просто принятия решений.

Мы видим политическое поле как обладающее рядом специфических характеристик. Взаимодействия акторов происходят в публичном поле, и это означает, что каждый гражданин сможет получить доступ к обсуждению общественно значимых проблем. Обсуждение проблем и проектов происходит с позиций того, что они имеют значение для всего общества, т.е. даже проблемы, которые на первый взгляд являются личными, могут быть сформулированы с точки зрения их воздействия на все общество. Обсуждение проблем и проектов происходит с позиций общего блага, т.е. того, какую пользу для общества принесет то или иное решение. Проекты и альтернативы обсуждаются с осознанием того, что в результате будут приняты общественно значимые решения, изменены принятые нормы и т.д. Взаимодействия не ограничиваются обсуждениями, акторы объединяются и размежевываются, предпринимая коллективные действия для продвижения проблем и альтернативных проектов в рамках установленных политических правил и практик.

Следует отметить, что в рамках области принятия общезначимых решений, даже если порядок данного поля не основан на политической логике и поле политики не институционализировано, могут существовать отдельные элементы политики. Так, в государственном устройстве большинства стран заложены формальные демократические нормы, которые при их воплощении приводят к формированию поля политики. Они публично декларируются и частично воплощаются, например, в процедурах выборов, институте разделения властей и т.д. И в российском обществе, несмотря на то что поле политики не институционализировано, мы видим, что политические элиты прибегают к использованию поли-

тических элементов, либо акторы начинают действовать политически и активизируют политические нормы, и добиваются в этом поле реализации своих интересов, например общественные кампании «синих ведерок» и против сноса пятиэтажек в Москве, локальные экологические кампании и другие.

Мы видим целью дальнейшее исследование политического поля как нормативной конструкции, типа институционального порядка и институциональной логики, который мог бы быть последовательно воплощен в реальной системе практик и представлений. В связи с этим на основании разработок теорий поля и институциональной логики, принимая во внимание сильные и слабые места подходов, а также на основании тех методов, которые были использованы во множестве эмпирических исследований [см.: Шмерлина, 2016], мы можем разработать инструментарий, позволяющий решить те задачи, которые перед нами ставит исследование поля политики.

Метакатегории, предложенные К. Вебером и соавторами для реконструкции системы представлений акторов поля (субъекты, классы практик, измерение ценностей), могут быть использованы и для исследования политического поля. Так, такие категории субъектов политики, как граждане, политики, государственные и должностные лица, НКО, СМИ, имеют конкретное смысловое наполнение в каждом обществе. Гражданину могут предписывать в качестве главной добродетели как безусловную любовь к государству и родине, так и обязанность участвовать в политике и высказываться тогда, когда он не согласен. Политики могут относиться к «народу» как к тем, кто требует защиты, не в состоянии выразить свои интересы и подвержен манипуляциям, либо как к полноценным участникам политического процесса, которые могут самостоятельно проанализировать информацию и принять правильное для себя решение и выразить интересы, которые политики должны представлять в органах власти. Также неоднозначным может быть толкование практик, протесты могут рассматриваться как проявление недовольства и эмоциональное действие либо как последовательная борьба групп за привлечение внимания к проблеме или продвижение политического решения. Также и должностные лица могут воспринимать свою деятельность не как служение, а в русле менеджерского подхода как работу и выполнение конкретных обязанностей. Категории и когнитивные шаблоны важны и в практиках

освещения событий СМИ, и в практиках повседневных дискуссий о политике. Вместе с тем при переходе к непосредственному исследованию поля политики потребуется разработать набор категорий, в большей степени соответствующий и учитывающий особенности поля взаимодействий в области принятия общественно значимых решений и в поле политики.

Список литературы

- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
- Димаджио П., Пауэлл У.* Новый взгляд на «железную клетку»: Институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Классика новой экономической социологии* / Сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 164–191.
- Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: Критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология*. – М., 2001. – Т. 2, № 4. – С. 28–55.
- Шмерлина И.А.* «Институциональная логика»: Критический анализ направления // *Социологический журнал*. – М., 2016. – Т. 22, № 4. – С. 110–138.
- Armstrong E.A.* Crisis, collective creativity, and the generation of new organizational forms: The transformation of lesbian/gay organizations in San Francisco // *Social structure and organizations revisited* / M. Lounsbury, M.J. Ventresca (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2002. – P. 361–395. (Research in the Sociology of Organizations: Vol. 19.)
- Martin J.L.* What is field theory? // *American journal of sociology*. – Chicago, 2003. – Vol. 109, N 1. – P. 1–49.
- Friedland R.* God, love, and other good reasons for practice: Thinking through institutional logics // *Institutional logics in action, part A* / M. Lounsbury, E. Boxenbaum (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2013. – P. 25–50. (Research in the Sociology of Organizations: Vol. 39, Part A.)
- Friedland R., Alford R.* Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions // *The new institutionalism in organizational analysis* / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds). – Chicago: Univ. of Chicago press, 2012. – P. 232–266.
- Haveman H.A., Gualtieri G.* Institutional logics. – 2017. – Mode of access: <http://business.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190224851.001.0001/acrefore-9780190224851-e-137> (Дата посещения: 11.12.2017.)
- Mohr J.W., Duquenne V.* The duality of culture and practice: Poverty relief in New York City, 1888–1917 // *Theory and Society*. – Dordrecht, 1997. – Vol. 26, N 2–3. – P. 305–356.

- Munir K.A., Phillips N.* The birth of the «Kodak Moment»: Institutional entrepreneurship and the adoption of new technologies // *Organization studies*. – 2005. – Vol. 26, N 11. – P. 1665–1687.
- Powell W.* Expanding the scope of institutional analysis // *The new institutionalism in organizational analysis* / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds). – Chicago: Univ. of Chicago press, 2012. – P. 183–203.
- Reay T., Hinings C.R.* The recomposition of an organizational field: Health care in Alberta // *Organization studies*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2005. – Vol. 26, N 3. – P. 351–384.
- Scott W.R.* Organizations and institutions // *Foundations for Organizational Science*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 1995. – 200 p.
- Scott W.R.* Institutions and organizations: Ideas and Interests. – 3 rd ed. – Los Angeles: Sage publications, 2008. – 280 p.
- Thornton P.H., Ocasio W.* Institutional logics // *The Sage handbook of organizational institutionalism*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2008. – P. 99–128.
- Tolbert P.S., Zucker L.G.* Institutional sources of change in the formal structure of organizations: The diffusion of civil service reform, 1880–1935 // *Administrative science quarterly*. – Ithaca; N.Y., 1983. – P. 22–39.
- Voronov M., De Clercq D., Hinings C.R.* Institutional complexity and logic engagement: An investigation of Ontario fine wine // *Human Relations*. – L., 2013. – Vol. 66, N 12. – P. 1563–1596.
- Weber K., Patel H., Heinze K.L.* From cultural repertoires to institutional logics: A content-analytic method // *Institutional Logics in Action, Part B* / M. Lounsbury, E. Boxenbaum (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2013. – P. 351–382. (Research in the Sociology of Organizations; vol. 39, part B.)
- Wooten M., Hoffman A.J.* Organizational fields: Past, present and future // *The Sage handbook of organizational institutionalism*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2008. – P. 130–147.